

И. Садыг

“ОГУЗ КАГАН” – ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Тюркское эпосное творчество имеет очень древнюю историю. Для того чтобы создать такой совершенный, неповторимый, зрелый эпос, как «Китаби-Деде-Горгуд», по нашему глубокому убеждению, требовались опыт и традиции многих тысячелетий эпосного творчества. И поэтому уверенно можно утверждать, что эпосное творчество достигло нынешнего уровня, развиваясь на базе богатейшего опыта и традиций. Тюрки создали десятки дастанов до «Китаби-Деде-Горгуд». Но и эти дастаны не являются началом тюркского эпосного творчества.

Знакомство с шумерским фольклором и литературой раскрыло суть некоторых темных, неизученных моментов. Выясняется, что тюркское эпосное творчество берет свое начало из шумерского фольклора, что подтверждается достаточно убедительными фактами из эпосов «Китаби-Деде-Горгуд» и «Кёроглу».

Между шумерскими героическими эпосами и тюркскими эпосами «Огуз Каган», «Манас», «Китаби-Деде-Горгуд», «Кёроглу», «Алпамыш» и другими явно прослеживается схожесть формы, содержания, идейная и сюжетная аналогия. Кроме того, очень много одноплановых характерных элементов в художественных и изобразительных средствах, тонкостях поэтического стиля. Прежде всего, все героические шумерские эпосы написаны стихами. Впоследствии эта традиция успешно была продолжена в тюркском эпосном творчестве. Большинство огузнаме состоят именно из стихов. В великом тюркском эпосе «Манас», состоящем из 400 тысяч строк, нет прозы. В эпосах «Китаби-Деде-Горгуд» и «Кёроглу» эта традиция переходит на качественно новый этап – поэзия и проза, чередуясь, образуют синтез высокого уровня.

Все мифологические пласты еще мало изученного в Азербайджане дастана «Огуз Каган» очень созвучны пантеону шумерских божеств и шумерским мифологическим текстам. Когда был создан дастан

«Огуз Каган», говорить трудно. Об этом нет никаких сведений. Мы имеем в наличии единственный экземпляр рукописи дастана и судим обо всем исходя из этого. Но текст нам говорит немало. Его мифологические пласты и мотивы настолько древние, что напоминают очень далекие от нас времена, обращают наши мысли к началу истории человечества. Текст дастана свидетельствует о том, что его создатели жили еще задолго до нашей эры, были очевидцами исторических событий, отраженных в дастане. Поэтому дастан «Огуз Каган» заслуживает особого внимания и требует надлежащего исследования в сопоставлении с шумерскими клинописными текстами.

Идея божественности, связи с Всевышним, веры в божественное начало, величия Всевышнего, его первозданности очень ясно прослеживается в дастане «Огуз Каган». Из хранящейся в Парижской национальной библиотеке единственной рукописи дастана «Огуз Каган», увидевшей свет задолго до нашей эры и написанной уйгурскими буквами на тюркском языке, выясняется, что «рядом с Огуз Каганом находился опытный человек с седой бородой и большой черной шевелюрой. Он был яркой личностью, министром Огуз Кагана. Звали его Улуг Турук» [Огуз Каган 1988, 23]. Обратите внимание: Улуг Турук! Как совершенно верно утверждает Магеррам Эргин, подготовивший книгу «Огуз Каган» к изданию, «Улуг Турук означает Улу Турк» [Ergin 1988, 48]. Слово «Улу» было синонимом слова «Всевышний», писалось как «ил», «илу», «улу». И сегодня в тюркском языке слово «Танры» («Бог») используется вместе с эпитетом «улу».

Бесспорна общность, аналогия имени Улуг Турук в дастане «Огуз Каган» и имени божества Турук/Тюрк в древнем пантеоне, и эта связь обуславливает необходимость поиска истоков истории тюркского этноса в более древние времена. Божественное происхождение Огуз Кагана

также свидетельствует о том, что эти поиски не беспочвенны. Например, имена сыновей Огуз Кагана – Ай-хан, Гюн-хан, Улдуз-хан, Дяниз-хан, Даг-хан и Гёй-хан – соответственно Луна, Солнце, Звезда, Море, Гора и Небо – напрямую указывают на связь дастана с шумерским пантеоном божеств. Как известно, в шумерском пантеоне и Луна, и Солнце – это божества. Знаем, что и первые хаганы/ханы были божествами. И отсюда эпитет «хан» в именах сыновей Огуз Кагана. Гёй – имя первого Божества – Аба. Слово «Аб» (Небо) затем было заменено словом «Гёй», «Гёк» (Небо), и так зародилось тюркское Небесное божество. Первое божество Аб (с шумерского пантеона божеств) потом стало (в дастане «Огуз Каган») Небесным Божеством – Гёй Танры.

Есть и другие мотивы, связывающие дастан «Огуз Каган» с шумерским пантеоном божеств. В конце дастана Огуз Каган говорит сыновьям: «Я вернул (свой долг) Гёк Танры» [Oğuz Kağan 1988, 24]. Имя Гёк Танры наглядно свидетельствует о правомерности высказанной выше мысли. О многом говорят и другие факты.

Как известно, история огузов неотделима от истории турук/турков. Их надо изучать воедино потому, что корни обеих этнонимов восходят к единому началу. Вот почему для нас имеет важное значение вопрос о происхождении этнонима турук/турк.

Английский ученый Э.Б. Тайлор, ссылаясь на Вильгельма Руисбрука, автора, жившего в XIII веке, пишет: «В XIII в. Вильгельм Руисбрук сообщает, между прочим, в виде серьезного исторического факта, что первоначально они были прозваны турками от Турка, старшего сына Иафета. Но потом один из их государей оставил владения своим сыновьям, близнецам Татару и Монголу, из-за чего возникло никогда не уничтожавшееся различие между этими двумя народами. В историческом отношении эта легенда совершенно нелепа, но она содержит бесспорный, по-видимому, этнологический факт, что турки, монголы и татары – близкородственные группы одного и того же корня» [Тайлор 1989, 197].

Такие источники существовали до Руисбрука и после него. В произведениях некоторых раннесредневековых арабских авторов Ной, непосредственно его сын

Турк также называются предками тюрков. Генеалогия великого тюркского полководца Алп-Эр Тонга, жившего в VIII–VII вв. до н.э., полностью подтверждает слова Руисбрука. По сведениям Ат-Табари, Ал-Бируни и Ибн-Хавгала, родословная Алп-Эр Тонга восходит к Турку. Каждый из них по-своему составил генеалогию Алп-Эр Тонга – у Ат-Табари: Фрасияб (персы так называли Алп-Эр Тонга. – И.С.) сын Фешенджа, Фешендж сын Рустама, Рустам сын Турка; у Ал-Бируни: Фрасияб (персы так называли Алп-Эр Тонга. – И.С.) сын Бешенга, Бешенг сын Ината, Инат сын Ришмана, Ришман сын Турка; у Ибн-Хавгала: Фрасияб (персы так называли Алп-Эр Тонга. – И.С.) сын Ашга, Ашг сын Рустама, Рустам сын Турка [Короглы 1970, 109]. Все три генеалогии берут свое начало от Турка. Различия фиксируются только в связывающих звеньях данной цепи.

Родословная жившего в XVI веке правителя государства Акгойунлу Узун Гасана также связана с Огуз-ханом и Ноем. В этом варианте сына Ноя звали Тюрк, а его сына – Гара. Огуз-хан же сын Гара-хана. Это – бесспорно, в тюркских дастанах Гара-хан представлен как бог и указывается, что он сотворил мир.

Не случайно у человека двенадцать ребер. На шумерском Древе жизни, похожем на ребра, тоже двенадцать пар основных ветвей (кроме трех последних мелких отростков). В шумерском пантеоне двенадцать великих божеств. То, что идентичность этих чисел и связь количества ребер с божествами не случайны, подтверждается и их размерами. Ребра в некотором соотношении короче друг друга. Это вполне соответствует престижным показателям (числам) божеств в пантеоне. Например, авторитет Ана в пантеоне определяется числом 60. Значит, самое длинное ребро – это ребро, которое олицетворяет Ана. Энлилу соответствует число 50, и его ребро второе. Так уменьшаются числа, олицетворяющие авторитет, значимость божеств. Так же становятся короче ребра.

Можно предположить, что высказанная одним из героев «Китаби-Деде-Горгуд» Басатом мысль «спросишь, как зовут моего отца, – Габа Агадж» берет начало из шумерского мифического мировоззрения, а также что выражения «Древо жизни» и

«Габа Агадж» используются в идентичном значении (слово «габа» на шумерском языке означает «грудь»), а в тюркских языках слово «габырга», имеющее одинаковый корень со словом «габа», означает «ребро», «ребра», а ребра, как известно, являются основой для образования груди; слово «агадж» в тюркских языках означает «дерево»). У нас нет пока никаких оснований думать иначе. Если принять это предположение, тогда может быть раскрыта и тайна материнства Гоган Аслана для Басата. Как видим, Древо жизни охраняют два существа. И это является существенным фактом. В шумерских мифах и обнаруженных при археологических раскопках бесчисленных памятниках культуры охраняющие что-либо чаще всего представлены в образе львов.

Мысль о том, что дерево – символ жизни, основа отцовского начала, присутствует и в дастане «Огуз Каган» и отсюда перешла в другие дастаны. В «Огуз Кагане» говорится: «В один из дней Огуз Каган пошел на охоту. Увидел перед собой дерево посреди озера. У этого дерева сидела девушка. Очень красивая девушка. Глаза у нее были синие-пресиние, волосы – волнистые, зубы – как жемчужины... Увидев ее, Огуз Каган потерял голову. Полюбил ее, женился. Добился своего, спал с ней. Она забеременела. Прошли дни и ночи, заблестели глаза ее, и родила она троих малышей. Одного назвали Гёк (Небо), второго – Даг (Гора), третьего – Дениз (Море)» [Oğuz Kağan 1988, 16].

Этот мотив из дастана «Огуз Каган» точно повторяется в уйгурской версии «Огузнаме». И здесь Огуз Каган встречает девушку в объятиях ветвей дерева, женится на ней, у них рождаются три сына [Oğuznaməlär 1993, 12].

В обоих случаях Огуз женится не на дереве, а на девушке, находящейся на лоне дерева. Анализ соответствующих тюркских дастанов свидетельствует, что дерево – именно отец девушки. То есть дерево – олицетворение отцовского начала.

Образ девушки в лучах света, на которой женился Огуз, напоминает образ Инанны/Иштар из шумерских мифов. То, что Огуз назвал своих сыновей Ай, Гюн, Улдуз, Дениз, Гёй, Даг, неразрывными нитями связывает этот дастан с шумер-

скими мифами. В шумерской мифологии Гёй (Ан), Ай (Наннар/Син), Гюн (Уту/Шамаш) – это божества. Сам Огуз Каган – сын Ай Кагана, вернее, Огуза – родил Ай, что свидетельствует о его божественном происхождении. Данные им сыновьям божественные имена – воплощение идеи постоянства божественного начала, необходимости всегда помнить об этом, способствовать его продлению.

Многие специалисты прослеживают тесную связь между Огуз Каганом и Билгамысом. Ариф Аджалов утверждал, что Огуз Каган является полубожеством, в крайнем случае – он божественного происхождения [Аджалов 1984, 225]. А Билгамыс на две трети – божество, на одну треть – человек.

А.Н. Бернштам, рассматривавший дастан «Огуз Каган» в историческом контексте, отмечал, что «это произведение не исследовано в качестве исторического источника...» [Бернштам 1935, 33]. Особое внимание он обратил на древность исторических событий и мотивов, о которых писал: «Его (дастана «Огуз Каган». – И.С.) отдельные части настолько древние, что говорить насчет какого бы то ни было народа – тюркского или монгольского – вообще тяжело, а точнее – невозможно» [Бернштам 1935, 33].

Что за древность? Какие исторические пласты и мотивы дастана затрудняют «говорить насчет какого бы то ни было народа»? А может, эти пласты и мотивы доисторические? Совершенно верно. Огуз Каган всей своей сущностью связан с миром Шумера. С первых же строк становится ясно, что Огуз – сын Ай Кагана. Обратим внимание всего лишь на этот мотив – рождение Огуза от Ай Кагана. Ай Каган родил Огуза. В истории отсутствует его аналогия. Значит, его корни мы должны искать в доисторическом периоде. Вот в чем суть «древности» дастана. А.Н. Бернштам также, говоря о древности дастана, вероятно, имел в виду, в частности, и этот факт: «Прежде всего в отличие от ряда других вариантов рождение Огуза здесь связано несомненно с быком. В данном месте связь с быком имеет Ай-каган, и от него происходит Огуз-каган» [Бернштам 1935, 34].

Мы нашли тропинку, по которой легко будет проследить генеалогию Огуза. В

шумерских клинописных источниках бог Наннар (Луна-Ай) изображается в виде быка. Бык является символом бога Наннара (Луна-Ай). У Ай Кагана мужской эпитет и из-за этого возникает путаница у тех исследователей, которые не знакомы с шумерскими текстами. Надо учесть, что бог Наннар в шумерском пантеоне представляется только в мужском образе. Он был отцом бога Уту (Солнце) и богини Инанны.

Итак, Ай Каган, его мужской эпитет, связь с быком, рождение Огуза от Ай Кагана полностью совпадают с шумерскими мотивами. Эти факты свидетельствуют о божественном происхождении Огуза.

Кямиль Вели Нариманоглу и Фахри Угурлу пишут: «Билгамыс – сын божества Луны Нинсун, Ахилесс – божества Моря Тетидана, а Огуз – сын Ай Кагана, то есть божества Луны. Оба являются потомками божества Луны, и это еще больше сближает Билгамыса и Огуза, и, бесспорно, подобная схожесть не может быть случайной» [Nərimanoğlu, Uğurlu 1993, 7]. В уйгурском варианте «Огузнаме» племянник Урум Кагана говорит Огузу Кагану:

Наше счастье – твоё счастье,
 Наши предки – ветвь древа
 Твоей родословной.
 Всевышний поручил тебе
 Большое место.

[Oğuznamələr, 1993, 12].

«Древо родословной» в этом отрывке не что иное, как более явно выраженный образ Древа жизни из шумерских мифов. Приведенные выше, а также и другие факты наглядно свидетельствуют о том, что во всех тюркских дастанах присутствуют мотивы шумерских мифов, сюжетов, образов.

Согласно Фаруку Сумеру, отец одного из главных героев дастанов «Китаби-Деде-Горгуд» Салур Газана в дастанах назван Улас, а в «Туркменлярин шяджарасы» – Энкиш [Фарук Сумер 1992, 278–288]. Но сам Фарук Сумер ничего не говорит о корнях имени Энкиш. Если считать, что отец Огуза Гара-хан внук Яфеса – сына Ноя, то значительно легче уточнить, кем является Энкиш – отец Салур Газана. В первую очередь необходимо учесть, что Энкиш и Энки очень созвучны друг с другом. Их различает всего лишь один звук «ш», который мож-

но принять как фонетическое прибавление. Как будет видно дальше, сопоставление имени Энкиш с Энки имеет большое научное значение. Поэтому нельзя их оставлять в стороне при исследовании. Лучше обратиться к первоисточникам.

Как говорится в эпосе «Билгамыс», потоп породил Энлил для уничтожения всего живого на земле, об этом было принято решение на совете великих богов, и от него не должен был спастись никто из живых существ. Кроме того, после предупреждения Энлила каждый бог поклялся перед собранием в том, что он не будет извещать об этом людей. Клялся и бог Энки. Но в душе он не был согласен стереть с земли род человеческий. Это связано в первую очередь с тем, что смертного человека творил сам Энки, т.е. он является в буквальном смысле слова отцом человеческого рода. Он не хочет, чтобы уничтожили самое толковое, мудрое и красивое из его творений. Но запрет есть запрет. Решение богов не подлежит нарушению. А что делать Энки? Он находится между огнем и водой. Как, не нарушая запрет, выйти из ситуации? Здесь мудрость помогает ему, и он находит выход. Энки подходит и становится перед стеной, за которой находится шумерский Зиусудра (аккадский Утнапишти, библейский Ной, тюркский Нух). Энки начинает говорить со стеной, учитывая, что все его слова слышит Зиусудра:

Хижина, хижина! Стенка, стенка!
 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
 Шуруппакиец, сын Убар-Туту,
 Снеси жилище, построй корабль,
 Покинь изобилие, заботься о жизни,
 Богатство презри, спасай свою душу!
 На свой корабль погрузи все живое.

[Эпос о Гильгамеше 1961, 72–73].

Как видим из этого отрывка из эпоса, Энки здесь поступил очень мудро и «обобщил условие богов тем, что говорил не с Зиусудра, а с “тростниковой хижинкой” и со “стенкой” и не называл его по имени, но лишь иносказательно. Лишь когда Зиусудра сам понял замысел богов, Энки говорит с ним уже прямо» [Дьяконов 1961, 197].

Одно из шумерских сказаний о потопе условно названо «Истребление моих человеков». Текст начинается жалобой одного из богов:

Истребление моих человек...
Мной сотворенное богине Нинту...
Воистину я возвращу ей.
Я верну народ к местам их обиталищ.
[Истребление... 1997, 295]

Здесь необходимо обратить внимание на вторую строку – «Мной сотворенное богине Нинту». Из других текстов мы знаем, что человека сотворили Энки и Нинту. Значит, эти слова принадлежат богу Энки. Дальше идет обращение непосредственно к Зиусудре, что мало отличается от вышеуказанного обращения Энки:

Край стенки слева, ну-ка послушай!
Край стенки, скажу тебе слово,
прими мое слово!
Будь внимателен к моим наставленьям!
Потоп пронесется надо всем миром,
Дабы семя человечества уничтожить.
[Истребление... 1997, 295]

Здесь все очевидно. Нет никаких сомнений, что шумерский текст является первоисточником для всех остальных произведений о потопе. «По всем клинописным вариантам весть-предостережение о потопе подает Энки. Он же учит Зиусудру строить корабль» [От начала... 1997, 443].

Мы находим в этих маленьких отрывках из разных текстов о потопе тот факт, который нас очень интересует в данном исследовании. Энки косвенно предупреждает шумерского Зиусудру о предстоящей смертельной для человеческого рода угрозе – о потопе. Зиусудра выслушивает и выполняет все слова Энки. Во-первых, это дает основание говорить о том, что Ной проживал в одно время с Энки. Во-вторых, нет сомнений, что Энки общался с Ноем. Это очевидно, ибо во всех вариантах о потопе Энки стоит перед «хижиной»-«стеной», а Зиусудра – за ней. Это как раз нас ведет к важному конкретному выводу: Ной – современник Энки. А Огуз Каган – внук Ноя. Гара-хан – отец Огуза, внук Яфеса – сына Ноя. Энкиш – отец Салур Газана. Таким образом, здесь легко отождествляется Энкиш, отец Салур Газана, с Энки – шумерским богом мудрости и хозяином пресных вод.

Говоря о взаимосвязи Огуз Кагана и Энки, необходимо обратить внимание еще на один исторический факт. При внима-

тельном рассмотрении истории огузских тюрков мы видим, что их первичной родиной были окрестности Каспийского моря, их историческая судьба всегда была связана с этим морем, они в разные времена (периоды) отсюда распространялись в разных направлениях. Но огузы никогда не оставляли территории при Каспийском море навсегда, отправившись в другие места. Они всегда тут жили и, возрастая в числе, расселялись в разных направлениях.

И те, которые переселялись, не забывали о том, что их отцы-деды, предки жили вокруг Каспия, а иногда даже через тысячу лет огузы группами возвращались на свою первичную родину. А в истории это ошибочно восприняли как первичное прибытие огузов на эти земли.

Из шумерских источников известно, что, когда создавалось мироздание, вначале море Абсу было опущено с неба на землю. Абсу состоит из двух тюркских слов, означает небесное (аб) море (су). Первичный человек родился на берегу моря Абсу. Дом Энки находился в Абсу [Наріках Вавілонських 1991, 154]. Энки жил тут. Энки тут научил первых людей науке, культуре, искусству. Это то, о чем говорят шумерские источники. А какая взаимосвязь существует между морем Абсу и Каспийским морем? Ответ на этот вопрос дал немецкий ученый Эрих Церен: «В парсийских мифах известно «дерево всех семян», дерево – «противник несчастья», «дерево добрых и сильных средств врачевания», растущее посреди Каспийского моря. Второе дерево, местонахождением которого также было Каспийское море (первоначально это, несомненно, было «небесное море»), называлось Хаома Гокард (или Гао Керена). Рыба, постоянно плавающая вокруг дерева, защищает его от злых духов. Мифический прообраз земного желтого дерева Хаома обладает всеми целебными свойствами и дает сок для напитка, приносящего бессмертие при воскресении умерших» [Церен 1976, 124].

Очень важна информация Эриха Церена о том, что Каспийское море изначально называлось «Небесное море». Как было отмечено выше, «Небесным морем» было море Абсу. Таким образом, можно уверенно сказать, что Абсу как раз и является изначально названием Каспийского

моря. Значит, все сказанное в шумерских источниках об Абсу полностью относится к Каспийскому морю. Исследования позволяют даже высказать мысль о том, что находящаяся в настоящее время на берегу Каспийского моря Девичья башня в Баку была тем самым домом Энки в Абсу. Дополнительно надо сказать, что очень интересным является и факт защиты дерева, находящегося посреди Каспийского моря, рыбой. У Энки было прозвище «Балыг» (в тюркских языках слово «балыг» означает «рыба»), созвездие Рыбы было названо в честь него [Sadıq 2009, 135].

Во время потопа, когда в ковчеге Ноя закончилась еда, рыбаки Энки обеспечили их рыбой. Все это факты, которые должны приниматься во внимание во время исследования.

Мы имеем под рукой еще два источника, без которых невозможно завершить исследование данного вопроса. Одно из этих произведений написано в XIV веке Рашид-ад-дином Фазлуллахом, другое – в XVI веке Абуль Гази Бахадур-ханом. В этих произведениях происхождение тюркского народа связывается с полулегендарным героем одноименного дастана Огуз Каганом. Здесь нас интересует генеалогия Огуз Кагана, описанная в разное время разными авторами. Родословные Огуз-хана, данные в произведениях Абуль Гази Бахадур-хана и Рашид-ад-дина, очень похожи друг на друга [Рашид-ад-дин 1952, 80; Рашид-ад-дин 1987, 46; Əbdülqazi 2002, 74]. В «Огузнаме» Рашид-ад-дина и «Туркменлярин шяджарасы» («Родословная туркменов») Абуль Гази Бахадур-хана отцом Огуз-хана является Гара-хан. А Гара-хан – потомок Яфеса – сына Ноя. В «Огузнаме» Рашид-ад-дина Гара-хан – внук Яфеса, Огуз-хан – правнук Яфеса. В «Туркменлярин шяджарасы» Абуль Гази Бахадур-хана Гара-хан относится к седьмому поколению потомков Яфеса. Здесь сыном Яфеса является Тюрк, его сыном – Тютек, сын Тютека – Абулджа-хан, его сын – Баку-Диб-хан, сын последнего – Могол-Татар-хан, а его сын – Гара-хан. Разница между двумя этими источниками только в том, что в первом Огуз-хан является правнуком Яфеса, а во втором источнике он относится к восьмому поколению потомков Яфеса. В обоих источниках отец

Огуза – Гара-хан. В самом дастане «Огуз Каган» то же самое. Все это нельзя рассматривать как случайность.

В то же время в обоих произведениях также представляют интерес факты, связанные с историей Огуза. Абуль Гази Бахадур-хан пишет: «Кроме того, мы знаем, что Огуз-хан жил во времена Кеюмерса. А визирем Инал Явы-хана был от народа Гайы Горгуд-ата (отец Горгуд). Потомки младшего брата Аббаса матери пророка Мухаммеда царствовали в городе Багдаде на протяжении пятисот лет. Горгуд жил в их времена. От Кеюмерса до времен потомков Аббаса прошло пять тысяч лет» [Əbdülqazi 2002, 74].

Нижеприведенная мысль Абуль Гази Бахадур-хана подтверждает связь истории тюрков непосредственно с Ноем: «Яфес, умирая, на свое место поставил старшего сына Тюрка, а другим сыновьям сказал: «Признав Тюрка своим правителем, не выходите из его повиновения» [Əbdülqazi 2002, 50].

Таким образом, вышеуказанные многочисленные достоверные аргументы позволяют связать генеалогии Огуз Кагана с Нухом (Ноем), Салур Газана – с Энки, причем ни один из этих аргументов не противоречит друг другу.

Древнее происхождение сюжетных, событийных и мифологических элементов в «Огузнаме», «Китаби-Деде-Горгуд», «Кёроглу», в других тюркских дастанах обуславливает необходимость изучения их на основе сравнительного анализа с шумерскими письменными первоисточниками. Приведенные выше параллели наглядно свидетельствуют о том, что первоисточники богатейшего тюркского фольклора, и особенно тюркских дастанов, напрямую связаны с шумерским эпическим мировоззрением. Все эти образцы литературного творчества, памятники духовной культуры прочно связаны друг с другом неразрывными этногенетическими узами, и поэтому изучение, исследование их по отдельности никогда не даст выверенных научных обоснований, не приведет к нужным результатам. В настоящее время изучение тюркского фольклора на основе шумерских источников имеет большое научное значение и с точки зрения выявления генезиса, этнической принадлежности шумеров, их кровного и языкового родства с тюрками.

ЛИТЕРАТУРА

Ариф Аджалов. Трансформации одного древневосточного эпического образа в сравнительно-типологическом освещении // *Azərbaycan filologiyası məsələləri*, II kitab. "Elm". Bakı, 1984.

Бернштам А.Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // *Советская Этнография*. 1935. № 6.

Дьяконов И.М. Комментарий / *Эпос о Гильгамеше* (перевод с аккадского И.М. Дьяконова). Москва – Ленинград, 1961.

Истребление моих человеков // *От начала начал. Антология шумерской поэзии* (Вступительная статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой). Санкт-Петербург, 1997.

Короглы Х. Алп-Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам // *Советская тюркология*, 1970, № 4.

На рiках Вавiлонських. Киiв. Днiпро, 1991.

От начала начал. Антология шумерской поэзии (Вступительная статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой). Санкт-Петербург, 1997.

Рашид-ад-дин. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. первая. Из-во АН СССР. Москва – Ленинград, 1952.

Тайлор Э.Б. *Первобытная культура* (перевод с английского Д.А. Коропчевского, предисловие и примечания профессора А.И. Першица). Москва, 1989.

Фазлаллах Рашид-ад-дин. *Огуз-наме* / Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М. Шуккоровой. «Elm». Bakı, 1987.

Эпос о Гильгамеше (перевод с аккадского И.М. Дьяконова). Москва – Ленинград, 1961.

Эрих Церен. *Лунный бог* (сокращенный перевод с немецкого Б.Д. Каллистова; предисловие А. Нейхардт). Москва, 1976.

Ergin Muharrem. Birinci basqının ön sözü // **Oğuz Kağan dastanı** (Yayına hazırlayan Prof. Dr. Məhərrəm Ergin). İstanbul, 1988.

Əbdülqazi Bahadır xan. Şəcərəi-tərakimə. Türkmənlərin soy kitabı (rus dilindən tərcümə edən, ön söz və göstəricilərin müəllifi və bibliografiyanın tərtibçisi İ.M. Osmanlı) // **Azərbaycan Milli Ensiklopediyası** NBP. Bakı, 2002.

Nərimanoğlu K.V. və F. Uğurlu. Oğuznamənin uyğur variantı // **Oğuznamələr**. BDU nəşri, Bakı, 1993.

Oğuz Kağan dastanı (Yayına hazırlayan Prof. Dr. Məhərrəm Ergin). İstanbul, 1988.

Oğuznamələr. BDU nəşri. Bakı, 1993.

Sadiq İslam. Bahar (Novruz) bayramı Şumer qaynaqlarında // **Azərbaycan Şifahi Xalq Ədəbiyyatına Dair Tədqiqlər**. Bakı, 2009, № XXXI.

Prof. Dr. Faruk Sümer. **Oğuzlar**. İstanbul, 1992.